

Друзя — предупреждаю!! Злобный передатели крысолюды из клана Чумы замышляют распрастронить чуйму в вашем городе, да сожрет Рогатая Крыса за это их кишки. Моя не знать, гиде или как они планировать это делать. Моя мочь лишь говорить — опасайтесь Котёла тысячи болезней.

Ваша друга.

— Это доставили, пока ты отсутствовал, — сказал Готрек.

— Тот же посланец?

— Нет, другой попрошайка. Утверждает, что это передал ему монах.

— Ты ему поверил?

— Я не вижу причин не делать этого, человеческий отпрыск. Я отвёл его показать мне место, где он встретил того монаха. Это недалеко от места, откуда доставили предыдущее послание.

— Ты полагаешь, нам стоит проверить канализацию в той местности?

— О чём ты говоришь, Феликс? — спросила Элисса.

— О скавенах, — жестко ответил Готрек, и лицо девушки побледнело.

— Не те ли это создания, что не так давно напали на таверну?

— Они самые.

— Что им нужно от тебя и Феликса?

— Я понятия не имею, девочка. А хотелось бы. Похоже, мы оказались втянуты в какую-то междоусобную борьбу между ними.

— Я бы хотела, чтобы ты мне этого не рассказывал.

— Я бы хотел, чтобы ты ей этого не рассказывал, — подтвердил Феликс.

— Ты думаешь, они снова могут напасть на „Свинью“? — спросила Элисса, оглядывая двери и окна с таким видом, что ожидает нападения в любую секунду.

— Я сомневаюсь, — сказал Готрек. — А если они осмелятся, мы их попросту снова перебьём.

Элисса присела на стул возле Истребителя. Тот склонил голову набок и улыбнулся, показав несколько отсутствующих зубов.

— Не беспокойся, девочка. Тебе ничего не грозит.

Готрек имел не тот вид, который Феликс в нормальных обстоятельствах счёл бы убедительным, но, похоже, его слова успокоили Элиссу.

— Ты полагаешь, за этой новой чумой могут стоять скавены? — прошептал Феликс, надеясь, что никто их не подслушивает.

— Наш крысиный приятель надеется, что мы поверим этому.

— Тогда почему он не рассказал нам больше?

— Возможно потому, что и сам больше ничего об этом не знает, человеческий отпрыск.

* * *

Танкуоль устался в свой гадальный кристалл. Тот оказался бесполезен. Ему не посчастливилось обнаружить чумных монахов и их проклятый котёл, и это само по себе было неутешительно. Провидец его уровня, совершивший надлежащие ритуалы и должным образом выказавший почтение Рогатой Крысе, должен был бы легко обнаружить столь мощный артефакт. А вместо этого он нигде не нашёл ни следов котла, ни следов его носильщиков. Это наводило Танкуоля на мысль, что для сокрытия своих следов ими была использована собственная магия. Он догадывался, что Вилеброт Нуль, по-праву могущественный волшебник, применил экранирующие заклинания. Ещё одно доказательство его измены — если таковые вообще нужны!

Предатель, разумеется, может заявить, что использовал магию во избежание обнаружения властями людей, но Танкуоль мог разглядеть столь прозрачные уловки. Он не вчера появился на свет. Чумные монахи попросту пытаются скрываться от своего законного предводителя до той поры, пока не приведут в исполнение свой план и не обретут незаслуженную славу.

Танкуоль сознавал, что должен любой ценой предотвратить эту возможность, разумеется, в целях обеспечения исполнения указа Совета Тринадцати. Ему попросту нужно изыскать другой способ обнаружить свою жертву. Он был бы удивлён, если бы гном и его союзник человек ещё не предприняли каких-нибудь действий. Или они слишком тупы, чтобы сделать что-то без напоминания Танкуоля?

* * *

Феликс спешил сквозь тьму с развевающимся за спиной плащом. Он остановился, бросив взгляд через плечо, и потербил на шее ладанку, наполненную травами. Вонь свежих вечерних испражнений, выброшенных из верхних окон, оскорбляла обоняние. Он настолько же страшился наступить на них ногой, как и споткнуться об одну из куч хлама, разбросанного по улице.

«Почему все эти дома не подключены к канализации? — удивлялся он. — Почему люди настойчиво продолжают выбрасывать свои отбросы и хлам на улицы?»

Феликс обнаружил, что долгое путешествие с Готреком по глухомани изменило его. До того всю свою жизнь он был горожанином и никогда не обращал внимания на мусор, который скапливался на городских улицах. На мгновение он остановился и прислушался.

Что это за эхо отдалённых шагов? Его преследуют? Феликс напряжённо прислушивался к любому шуму, но ничего не слышал.

Но тишина не успокоила его. Это был богатейший квартал Нульна, но даже богатеи в тёмное время суток не выходили из дому без отряда телохранителей. Грабители и разбойники были повсюду. Но Феликса беспокоила не только лишь перспектива обычного тривиального ограбления. С момента ночного нападения скавенов он опасался, что ассасины крысоловдей устроят другую засаду. Он чётко понимал, что пережил их последнюю атаку лишь благодаря чистому везению, и ему было слишком хорошо известно, как стремительно может измениться чья-либо удача.

Но тем не менее, он чувствовал, что потенциальная опасность ситуации оправдывает риск прогулки по ночным улицам. Он нуждался в помощи и знал лишь один источник, откуда можно было бы получить требуемую ему помощь. Дверь, что он искал, была прямо перед ним. Дрекслер — эксперт по заболеваниям, и он мог бы сообщить Феликсу что-нибудь полезное, если за этой вспышкой чумы действительно стоят скавены. Он полагал, что, вероятнее всего, мужчина сочтёт его безумцем, но был готов использовать свой шанс. Иметь дело с противником, который использует губительную чуму подобно тому, как человек может использовать меч, было ему не по плечу. Что ему было необходимо — знания, а Дрекслер произвёл на него впечатление человека, который мог бы обладать таковыми.

Феликс дотянулся и позвонил в дверной колокольчик. Он заметил, что тот был отлит в виде оскалившейся головы горгульи. Само по себе это не было необычно, однако в ночи и среди тумана его внешний вид причинял беспокойство. Он услышал шаги внутри здания, и смотровая щель в двери с лязгом отворилась. На уровне глаз Феликса появился тусклый проблеск света.

— Кто там? — спросил голос.

Феликс по голосу распознал слугу Дрекслера.

— Феликс Ягер. Мне нужно увидеть доктора Дрекслера.

— Это крайне необходимо?

После секундного колебания Феликс ответил:

— Да!

— Отойди от двери и имей в виду, что у нас есть огнестрельное оружие.

Феликс сделал то, что ему сказали. Он услышал, как отворяются огромные засовы, и лают очень крупные собаки. Было очевидно, что медик беспокоится о собственной безопасности, и Феликс никоим образом его за это не винил. Подобные предосторожности вполне целесообразны в крупных городах Империи.

— Сними капюшон и встань там, где я мог бы тебя видеть.

Феликс сделал, как было сказано, и его лицо полностью осветил луч фонаря. Он видел, что старик узнал его.

— Извините, господин Ягер, — сказал слуга. — В эти дни лишняя осторожность не помешает.

— Я полностью согласен, — сказал Феликс. — А теперь, пожалуйста, проводи меня к своему господину. У меня к нему неотложное дело.

Дрекслер сидел у огня в огромном рабочем кабинете. Отблески пламени подсвечивали его лицо, заставляя его выглядеть отчасти демонически. Он наклонился вперёд и кочергой постучал по раскалённым углям, пока они не раскололись, затем подбросил ещё из корзины возле камина. Когда он посмотрел вверх, в его очках отразилось пламя. Эффект был зловещий.

— Итак, чем могу помочь вам, господин Ягер? — спокойно произнёс он и улыбнулся. — вы не выглядите больным. Это девушка?

Феликс оглядел помещение. Слуга уже удалился, его шаги заглушили толстые арабские ковры.

Это был впечатляющий зал, даже больше, чем отцовская библиотека в Альтдорфе, и с гораздо большим собранием книг. Острые глаза Феликса обыскали тёмные углы, как если бы он рассчитывал обнаружить там врагов, затем он повернулся и посмотрел прямо на Дрекслера.

— Что вам известно о скавенах? — спросил он напрямик.

Дрекслер на мгновение смутился, затем осторожно поместил свою кочергу обратно на подставку. Он снял очки, протёр их обшлагом своего одеяния, и со всей серьёзностью обдумал вопрос Феликса.

— Это раса крысолюдей, которую многие учёные считают вымершей. Спенглер думает, что они потомки мутировавших людей. Лейбер выдвинул теорию, что они могли быть результатом древнего волшебства. Говорят, что в древние времена они воевали с гномами, но...

— Я знаю, что они не вымерли.

Дрекслер посмотрел на Феликса пронзительным взглядом.

— Вы? Знаете?

— Да. Я сражался с ними. Они здесь. В Нульне.

Дрекслер уселся обратно в своё кресло, водрузив очки на переносицу и вцепившись руками в подлокотники кресла.

— Пожалуйста, присаживайтесь. Вы меня заинтриговали.

Феликс позволил себе плюхнуться в кресло напротив Дрекслера. Тепло очага нагрело один из подлокотников, и в нём было некомфортно.

Феликс немного отодвинул кресло от камина, прежде чем начал рассказ. Он поведал Дрекслеру о времени, проведённом в канализационной страже, и их столкновении с крысолюдьми в туннелях под городом. Он опустил лишь тот факт, что они вломились в дом Фрица фон Гальштадта и убили его. Он рассказал о нападении скавенов на „Слепую свинью“, которое, по его мнению, было своеобразной попыткой возмездия крысолюдей. Он не стал упоминать о том, что он и Готрек также сражались со скавенами в Колледже Инженерии в ту ночь, когда тот сгорел дотла. Дрекслер наблюдал за ним с возрастающим изумлением. Когда Феликс закончил, он произнёс:

— Господин Ягер, если всё это правда, то почему я об этом не слышал от других? Почему бездействуют власти?

— Я понятия не имею. Возможно, у скавенов есть союзники в высших кругах.

Он снова подумал о фон Гальштадте. Сколько же подобных ему занимают влиятельные позиции в Нульне и в остальной Империи?

— Я иногда думаю, что внутри нашего общества существует заговор по сокрытию проявлений Хаоса и всех его действий.

Феликс заметил, что при слове „заговор“ Дрекслер малость вздрогнул, но упоминание о Хаосе никак его не побеспокоило.

— Если бы вы не были столь очевидно вменяемы, я бы заподозрил, что вы душевнобольной, —

добавил Дрекслер. — Кое-что из того, о чём вы рассказали, несомненно звучит, как бред сумасшедшего.

— Я понимаю, — сказал Феликс. — К несчастью, всё это правда.

— Несомненно, всё это возможно. В Аравии крысолюдей не считают легендой; и я общался с несколькими гномами, заявлявшими, что сталкивались с ними. Мореходы-эльфы тоже рассказывали истории о способностях крысолюдей. Но я затрудняюсь понять, зачем же ещё вы пришли ко мне, кроме того, чтобы поведать мне по секрету свою историю.

Феликс передал ему записку, полученную Готреком. Дрекслер развернул её и молча прочитал.

— Клан Чумы, — сказал он через некоторое время. — Да, я читал о них.

— Что?

— Клан Чумы. В некоторых старых книгах, в особенности в „Отвратительные крысолюди и весь их мерзкий род“ Лейбера, утверждается, что скавены разделяются на множество различных кланов, каждый из которых играет свою роль в обществе скавенов и обладает собственной уникальной разновидностью волшебства. Лейбер заявляет, что клан Чумы — создатели чумы. Он идёт даже дальше, утверждая, что они несут ответственность за Великую Чуму 1111 года. Если тот, кто послал вам это письмо — мошенник, то, без сомнения, весьма эрудированный. Я сомневаюсь, чтобы в настоящее время в Империи копией книги Лейбера владело бы более двадцати человек.

— А вы?

— Да. Мне попались упоминания о лейберовской теории Великой Чумы в работе Моравека, и я приобрёл её. У меня к этой области, что называется, профессиональный интерес.

— Могу ли я её увидеть?

— Разумеется. Но сперва вы должны ответить на несколько моих вопросов.

— Всенепременно. Спрашивайте!

— Вы действительно, всерьёз верите в то, что за этой новой вспышкой чумы в городе могут стоять скавены?

— Да. Исходя из того, что я видел, это для них вполне подходящий способ ведения боевых действий. Я верю, что они, по всей видимости, перейдут к активным действиям, и наш мир скоро не сможет более отрицать их существование.

— Это соответствует собственным теориям Лейбера.

— Что вы имеете в виду? — воодушевился Феликс.

— Лейбер утверждает, что скавены чрезвычайно быстро размножаются, и при подходящих условиях их популяция взрывообразно увеличивается. В подобных случаях они поглощают всю пищу в своём собственном регионе обитания и должны искать еду и ресурсы где-то ещё. В такие моменты они вырываются на поверхность мира огромными голодными ордами. И они продолжают сражаться либо до победы, либо пока их не перебьют столько, что оставшиеся в живых могут снова прокормиться в собственном ареале.

— Я должен прочитать эту книгу.

— Да. Она весьма интересна. Автор делает и другие заявления, которые сложно проверить.

— Например?

— Он утверждает, что эти пики активности обычно статистически взаимосвязаны со странными возмущениями и эксцентричным поведением меньшей луны — Моррслиба.

— Подобно тому, которое предварило Великую Чуму 1111 года?

— Вы хорошо информированный человек, господин Ягер. Да, вроде того происшествия, и другого, которое предшествовало Великому Нашествию Хаоса две сотни лет назад. Я полагаю, что ещё одно может произойти и в наше время.

— Так утверждают все прорицатели и астрологи.

— Это может оказаться правдой.

— У вас есть ещё вопросы?

— Да, но это подождёт. Я вижу, как вы обеспокоены тем, чтобы заполучить труд Лейбера, и не в моих правилах становиться между коллегой-учёным и его книгами.

Дрекслер принёс небольшую лестницу и фонарь, и они проследовали в самый дальний угол помещения вдоль рядов книжных шкафов. С самой верхней полки Дрекслер достал потрёпанный том в кожаном переплёте, благоговейно держа его обеими руками. Он сдул с обложки тонкий слой пыли и вручил книгу Феликсу.

— Там есть стол с настольной лампой. Я оставлю вас на несколько минут. У меня есть кое-какие дела.

Феликс кивнул, сейчас он был целиком охвачен волнением от обнаружения этой книги.

Книга была тяжёлой. Вытисненные на золотом листе корешка название и имя автора практически стёрлись. Две массивные латунные петли удерживали обложку и помогали её раскрывать.

Феликс уселся за стол и зажёл от свечи читальную лампу; поворачивая крошечную рукоятку в основании лампы, выставил фитиль на максимальную длину, затем поместил поверх пламени стеклянный колпак. Резкий запах ароматического масла наполнил воздух, когда он приступил к чтению.

На титульном листе книги было сказано, что она отпечатана сто восемьдесят лет назад в Альтдорф Пресс. Это означало, что Лейбер, весьма вероятно, застал последнее нашествие Хаоса или, по крайней мере, был знаком с теми, кому это довелось. Вполне возможно, что у него даже был личный опыт изучения крысолюдей.

В процессе чтения Феликс обнаружил, что именно это и утверждает автор. Во вступлении он изложил, что встретил орду скавенов во время Великой войны с Хаосом. В отличие от своих коллег, Лейбер был убеждён, что они не просто новая форма звероловдов, но полностью отдельная раса; и следующие десять лет своей жизни он посвятил обнаружению всевозможной информации о них. Он ссылаясь на различные научные источники, такие как Штутт, ван Хал и

Крюгер, о которых Феликс сделал в уме пометку, чтобы изучить позднее.

Его книга подразделялась на короткие главы, каждая из которых описывала определённый аспект структуры сообщества скавенов и их различных кланов. Феликс, ужасаясь, прочитал, как Лейбер в подробностях расписал отвратительные эксперименты клана Творцов над живыми существами, изменяющие их в разнообразных омерзительных чудищ-мутантов. Тех существ, которых он и Готрек встретили в Колледже Инженерии, Феликс идентифицировал, как техников клана Скрайр. Создание, которое напустило на них чудище в особняке Фрица фон Гальштадта, оказалось серым провидцем, кем-то вроде крысиного жреца. Лейбер мог излагать, как буйнопомешанный, но всё, что он написал, согласовывалось с тяжело доставшимся личным опытом Феликса. Автор всё-таки прав, несмотря на свою дурную репутацию.

Особое внимание Феликс уделил разделу о клане Чумы и тому, как они создают заболевания и используют всевозможные заразные приспособления для распространения этих заболеваний. От описания Фурункульной Болезни и Блошинных Бубонов он ощутил мурашки по телу. Эти ужасы были за пределами того, что он представлял себе ранее.

На него упала тень и, подняв глаза, он увидел стоящего над ним Дрекслера. Феликс обнаружил, что уже несколько часов читает в полумраке, и глаза его начали болеть от напряжения.

— Вы обнаружили то, что искали? — поинтересовался Дрекслер.

— Больше, чем я когда-либо хотел бы узнать.

— Хорошо. Заходите ко мне завтра, и возможно, я смогу вам помочь. Если угодно, можете взять книгу с собой.

— Помочь мне? Каким образом?

— Мы посетим городской морг.

— И чем это может помочь?

— Завтра увидите, господин Ягер. А теперь ступайте домой и поспите.

* * *

Готрек поднял глаза от своей тарелки, когда Феликс вошёл в „Слепую свинью“.

— Ты погляди, кто к нам пришёл, — сказал он, запихивая в рот краюху чёрного хлеба.

Элисса выглянула из-за гнома.

— О, Феликс, я так беспокоилась. Ты сказал, что вернёшься через пару часов, но уже почти рассвело. Я думала, что до тебя могли добраться крысолюди.

Феликс положил книгу на стол и крепко обнял её.

— Я в порядке. Просто кое-что разыскивал.

— „Отвратительные крысолюди и весь их мерзкий род“, — прочитал на корешке книги Готрек, наклонив голову.

Элисса изумлённо посмотрела на него.

— Я не знала, что ты умеешь читать, — произнесла она.

Готрек ухмыльнулся, обнажив почерневшие пеньки своих зубов. Одним засаленным пальцем он распахнул книгу и начал переворачивать страницы, пока не нашёл страницу про клан Чумы.

— А он знаком с материалом, этот Лейбер. Должно быть, обращался к гномьим источникам.

— Ага, ага, — раздражённо сказал Феликс. — Должно быть.

— Где ты это взял, человеческий отпрыск?

— У доктора Дрекслера.

— Твой друг Дрекслер — человек с разносторонними интересами, если владеет подобными книгами.

— У тебя будет шанс лично удостовериться в этом.

— Да неужто? И каким образом?

— Утром мы вместе с ним идём в морг.

* * *

Серый провидец Танкуоль метался взад-вперёд, отмеряя шагами пол своего логова, подобно одному из тех пленников-людей, которых он держал для работы на беговых дорожках в Скавенблайте. Его мысли неслись ещё быстрее под действием поглощённого им порошка искривляющего камня.

Эти подлые предатели из клана Чумы всё ещё замышляют укрыться от него. Их волшебство доказало свою эффективность даже против его наиболее изощённой и могучей ворожбы. Его шпионы не смогли разузнать ничего про их местонахождение, несмотря на все усилия. Всё это весьма расстраивало.

Где-то глубоко внутри Танкуоль со зловещей убеждённости чувствовал, что приближается время, когда план чумных монахов будет приведён в действие. Он знал, что вряд ли ошибается в этом, в прошлом подобные предчувствия никогда не подводили. Он ведь всё-таки провидец.

Ужасное ощущение надвигающейся гибели заполнило мысли Танкуоля. Ему захотелось бежать в укрытие, метнуться в тайное место, но прямо сейчас податься ему было некуда.

«Чума, — продолжал думать он. — Надвигается чума».

* * *

— Доброе утро, доктор Дрекслер, — произнёс жрец Морра и закашлялся.

Он смотрел из-за своего стола, установленного в нише у входа в городской морг. Его чёрный капюшон скрывал лицо, делая его таким же мрачным, как бог, которому он служил. В воздухе стоял насыщенный аромат свежесрезанных чёрных роз из Садов Морра.

— Что вам нужно?

— Я хотел бы осмотреть тела последних жертв чумы.

Феликс был изумлен спокойной манерой обращения, в которой доктор изложил свой запрос. Большинство жителей города лучше бежали бы за тысячу миль, чем согласились на то, что хотел сделать доктор. Было очевидно, что жрец думает о том же. Он сдвинул назад капюшон своей робы, открыв мертвенно-бледное костлявое лицо, обрамлённое прядями чёрной бороды.

— Это самый необычный запрос, — сказал он. — Я должен получить одобрение иерарха.

— Как угодно, — произнёс Дрекслер. — Передай, что я хочу выяснить, все ли жертвы умерли от одной болезни, или этим летом мы имеем дело с различными формами чумы.

Жрец кивнул и удалился в тенистые глубины храма. Где-то вдалеке мрачно звонил большой колокол. Где-то, понял Феликс, начались ещё одни похоронные службы.

Через некоторое время жрец возвратился.

— Арх-лектор{21} сказал, что вы можете приступать, — произнёс он. — Однако он также просил передать вам, что большинство тел уже отправлено в Сады Морра для погребения. У нас остались только четверо, поступившие прошлой ночью.

— Этого должно быть достаточно, — сказал Дрекслер. — Я надеюсь.

Феликс, Готрек и доктор Дрекслер заплатили церемониальные медяки и, следуя ритуалу, облачились в чёрные робы и головные уборы Морра. Жрец предупредил их, что им надлежит так поступить, так как это освящённое место. Робы были сделаны явно для людей, и полы одеяния Готрека волочились за ним по полу. Без лишних слов они отправились в сумрачные залы покойницкой.

Было темно и холодно. Вымытые какими-то освящёнными мазями полы были чисты. Запах масла из чёрных роз был повсюду. Не это ожидал увидеть Феликс. Он ожидал обнаружить разложение и запах тухлятины. Он ожидал запашок смерти.

Центральный зал дома Бога Смерти был уставлен мраморными плитами. На каждой плите лежал труп. Феликс отвёл взгляд. Тела принадлежали людям, которые умерли при необычных обстоятельствах, и над ними требовалось провести особые обряды, дабы обеспечить их душам лёгкий переход в загробную жизнь. Многие из них выглядели неважно. На одной плите возлежал посиневший и раздувшийся труп рыбака, который совсем недавно выловили из Рейка. На другой лежало тело женщины, которая была ужасно изрезана и покалечена каким-то безумцем. Они прошли мимо тела ребёнка, у которого, как вблизи заметил Феликс, голова была отделена от тела. Он резко отвернулся.

Здесь вонь перебивала запах ладана и мазей. Феликс начал понимать, зачем их капюшоны имеют специальные полосы ткани, которыми можно накрыть рот и ноздри. Он подогнал их, чтобы отсечь вонь, и направился в секцию, где лежали жертвы чумы. Неподальёку стояли два жреца; глаза закрыты, в руках зажаты кадила. Они бормотали молитвы за усопших, не выказывая страха по поводу того, что тех убило.

Феликс подумал, что, возможно, они попросту привыкли к страху за свою долгую близость к смерти. А может быть, они просто не боятся умереть? В конце концов, они — жрецы Бога Смерти, и им гарантировано привилегированное отношение в загробном мире. Он решил спросить об этом одного из жрецов, если они когда-нибудь потом встретятся. Стоицизм жрецов заинтересовал Феликса.

Дрекслер осторожно приблизился к плитам и обменялся парой слов и монет со жрецами. Те кивнули, прекратили своё бормотание и удалились. Без суеты Дрекслер откинул простыню с ближайшего тела. Это было тело невысокого торговца, одетого празднично. К вороту его рубахи была прикреплена чёрная роза. В смерти он выглядел необычно уязвимым и незащищенным. С момента смерти его уже обмыли.

— Несколько синяков на руках и коленях, а также на подбородке, — отметил Дрекслер. — Скорее всего оттого, что мужчина на последнем этапе своих страданий упал.

Феликс вспомнил о конвульсиях мужчины, виденного им на улице, и понял, каким образом это могло произойти.

— Замечены вздувшиеся участки на груди и горле, и слабый налёт зеленоватой субстанции на верхней губе и ноздрях.

Дрекслер оттянул веки своими пальцами, вокруг глазниц также были слабые следы зелени.

— Уверен, что если бы я провёл вскрытие, против которого возражают наши друзья-жрецы, мы бы обнаружили лёгкие, заполненные зелёной вязкой жидкостью. Вот что, в конечном итоге, убило жертву. Он, образно говоря, захлебнулся в ней.

— Ужасный способ умереть, — произнёс Феликс.

— По моему опыту, немногие болезни убивают безболезненно, господин Ягер, — сказал Дрекслер.

Он подошёл к следующему телу и откинул простыню. Это был труп женщины среднего возраста, одетой в чёрное. Её глаза были раскрыты и с выражением ужаса уставились в потолок. На её щеках были следы румян и краска для век вокруг глаз. Феликс нашёл нечто трогательное в этих попытках улучшить внешний вид того, кто уже мёртв.

— По крайней мере, она хоть одета в правильные цвета, — несколько бестактно, на взгляд Феликса, произнёс Готрек.

Дрекслер пожал плечами.

— Одевание вдовы. Должно быть, её муж скончался не позднее года назад. Теперь она присоединилась к нему.

Он перешёл к следующей плите и изучил тело маленького ребёнка. Налицо было фамильное сходство с умершей вдовой. Дрекслер посмотрел на кусок пергамента, закреплённого у шеи.

— Дочь. Да уж, невезучая семья.

Он повернулся и взглянул на Феликса.

— К сожалению, ничего необычного. Для чумы и других болезней весьма характерно распространение среди членов семей и вообще тех, кто проживает вместе. Похоже, эта чума может переноситься подобно сенной лихорадке.

Феликс фыркнул.

— Что конкретно мы тут ищем, господин Дрекслер?

— Зацепку. Что-нибудь необычное. Что-то, что подскажет нам, имеет ли тут место какой-нибудь общий фактор, объединяющий все эти несчастные жертвы.

— И как это нам поможет? — спросил Готрек.

Феликс уже знал ответ.

— Если мы сможем это обнаружить, возможно, мы поймём, как распространяется болезнь. Возможно, нам удастся предпринять действия для её изоляции. Либо, если это действительно исходит от скавенов, возможно, нам удастся определить её источник.

— Замечательно, господин Ягер. Это, в своём роде, как расследование убийства или тайны. Вам нужно обнаружить улики, и это выведет вас на преступника.

— И обнаружили ли вы какие-либо улики? — поинтересовался Готрек.

Дрекслер убрал простыню с последнего тела. Это был молодой мужчина, чуть старше двадцати лет. Феликс внезапно почувствовал шокирующее ощущение собственной смертности. Жертвы чумы были ненамного старше его самого.

— Есть что-нибудь? — спросил Феликс внезапно пересохшим ртом.

— К сожалению, нет, — сказал Дрекслер и развернулся, чтобы уйти.

После полумрака покойницей дневной свет показался невероятно ярким. После тишины залов мёртвых какофония на улице казалась невероятно громкой. После ароматизированного запаха склепов уличная вонь была почти непереносима. У Феликса потекло из носа, а в суставах ощущалась лёгкая боль. «Это не чума, — говорил он про себя, перебирая пальцами ароматную ладанку, — всего лишь сенная лихорадка». Ему вспомнились ранее не прояснённые вопросы.

— Почему жрецов Морра не берёт вся эта чума и прочие болезни, от которых погибают их ... клиенты? Или их бог предоставляет им какую-то особенную защиту?

— Я не знаю. Их мавзолеей чист и хорошо вымыт, а по моему опыту, это помогает сдерживать распространение заболеваний. Они — жрецы, а потому хорошо питаются и отдыхают, что тоже помогает.

— В самом деле?

— О, да. Горе, стресс, плохие условия обитания, грязь, плохое питание — всё это вносит вклад в распространение заболевания, а иногда и определяет того, кто сможет выжить.

— Отчего так?

— Я не знаю. Могу только сказать, что заметил истинность этого.

— Итак, вы думаете, что потому-то жрецы Морра и приобретают иммунитет к болезни?

— Я не утверждал, что у них иммунитет, господин Ягер. И сейчас, и ранее, кто-то из них заболевает.

— И что потом?

— Он отправляется к своему богу, не имея сомнений об особом отношении к себе в загробной

жизни, ибо такова сила его веры.

— Это не очень-то утешает, — сказал Феликс.

— Если вам требуется утешение, господин Ягер, — поговорите со жрецом. Я — медик и, к сожалению, должен теперь вернуться к своему образу жизни. Мне жаль, что я ничем более не могу вам помочь.

Феликс ответил ему поклоном.

— Вы уже оказали огромную помощь, господин доктор. Спасибо, что уделили нам время.

Дрекслер также поклонился и развернулся, чтобы уйти. В последнюю секунду он повернулся и заговорил.

— Дайте мне знать, если произойдёт что-нибудь новенькое, — сказал он. — Ищите зацепку.

— Хорошо, — ответил Феликс.

— А я пойду поищу пива, — сказал Готрек.

— Я полагаю, что это хорошая мысль, — сказал Феликс, которому внезапно сильно захотелось очистить рот от привкуса покойницкой.

* * *

Феликс устался внутри третьей кружки пива и обдумывал то, что недавно увидел. Его голова немного болела от того, что он про себя продолжал считать сенной лихорадкой, но пиво помогло снять эту боль.

Готрек, развалившись, сидел у огня, уставившись на пламя. Хайнц стоял у бара, подготавливая утварь к вечерней суете. Другие вышибалы сжимали свою выпивку и играли с ножом за соседним столом.

Феликс был обеспокоен. Он ощущал себя сбитым с толку и отупевшим. Он знал, что тут должна быть какая-то зацепка, но он её попросту не замечает. Похоже, нечто невидимое и смертоносное убивает жителей Нульна, и он ничего не может сделать, чтобы прекратить это. Это расстраивало. Феликс почти желал ещё одного набега диверсантов или нападения бойцов-скавенов. Что можно увидеть, с тем можно бороться. Или, если выразиться абсолютно точно — с тем, что он видит, Истребитель может сразиться и, вероятнее всего, победить. Размышления, как обнаружил Феликс, не были его сильной стороной.

Когда-то он гордился тем, что считал себя сообразительным и хорошо образованным человеком, учёным и поэтом. Но бесконечные странствия изменили его. Феликс не мог вспомнить, когда в последний раз опускал перо на бумагу, и вчерашняя ночь была первой за долгое, долгое время, когда он открыл книгу с целью получения знаний. Он опустился до роли странствующего искателя приключений, и его мозг, похоже, впал в спячку.

Феликс сознавал, что это выше его возможностей. Он не был таким проницательным детективом, которые действуют в драмах Детлефа Зирка. Честно говоря, он не верил, что в реальной жизни всё складывается таким образом, как в театральной постановке; улики укладываются в чёткую логическую цепочку, неизбежно указывая решение. Жизнь гораздо беспорядочнее. Обстоятельства редко бывают простыми, и даже если имеются настоящие

улики, то они сомнительно далеки от того, чтобы иметь одно чёткое и логическое объяснение.

Феликс подумал о Дрекслере. Пока что доктор помогал им и ничего более, но можно было с лёгкостью дурно интерпретировать его работу и его мотивы. Он обладал слишком обширными знаниями в областях, на которые в Империи смотрели неодобрительно, и это было подозрительно само по себе. В тех частях королевств людей, где сильнее распространены суеверия, всего лишь обладание книгами, которыми владел Дрекслер, было достаточной причиной для сожжения на костре. За их прочтение охотник на ведьм мог бы казнить его без суда.

А теперь Феликс сам прочёл одну из таких книг, и о себе-то он точно знал, что не является другом Хаоса. Почему же Дрекслер не может быть в таком же положении? Не может ли он всего лишь быть тем, кем кажется — человеком, который озабочен обретением любых знаний, которые могут помочь ему в его профессии излечения людей независимо от источника этих знаний? «Всё это слишком сложно», — думал Феликс. Пиво начало кружить ему голову.

В конце концов, в глубине души он знал, что должна быть связь между смертями всех этих людей. В действительности, он был уверен, что уже видел тому доказательство, но просто оказался слишком глуп, чтобы осознать. Пока что единственная связь, о которой он мог думать, это то, что все они оказались в Залах Мёртвых храма Морра — и это само по себе не было связью. Рано или поздно каждый мужчина и каждая женщина окажутся там на пути к погребению в Садах Морра. В своё время каждый житель Нульна завершит свой жизненный путь на этом громадном кладбище.

Феликс хотел горько над этим посмеяться, но затем его осенила мысль. Погоди-ка! Вот она — связь между большинством людей, насколько ему известно, умерших от чумы. Мужчина, которого он видел на улице два дня назад, носил чёрную розу. Другая жертва, из морга, также носила чёрную розу — традиционный символ скорби. Женщина и её ребёнок — вдова и сирота. Только с последним трупом не прослеживалась какая-либо связь, но, возможно, таковая отыщется, если копнуть достаточно глубоко.

Что это означает? Сам Храм Морра вовлечён в распространение чумы? Неужели порча проникла так глубоко? Феликс почему-то сомневался. Первый мужчина, которого он видел, был только что с похорон. А все остальные? Тот, что носил чёрную розу — практически наверняка. Мать с ребёнком? Он не знал, но догадывался, как это можно разузнать. Он поднялся со стула и похлопал Готрека по плечу.

— Нам нужно вернуться в Храм Морра, — сказал он.

— У тебя развилась нездоровая привязанность к этому месту?

— Нет. Я думаю, там может находиться ключ к этой чуме.